

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Липке Штефана
«Антропология художественной прозы А. П. Чехова: неизреченность
человека и архитектоника произведения»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература

Актуальность темы представленной диссертации не вызывает сомнений. Во-первых, взаимосвязь филологии и антропологии в последние четыре десятилетия является устойчивым трендом в гуманитарной практике. Во-вторых, ощущение кризиса мировой цивилизации как исчерпанности и неперспективности стандартов культуры Нового времени порождает поиск импульсов дальнейшего развития и прорывных рецептов жизнеустроения в художественном наследии гениев человечества с надеждой на их пророческое воображение и целостное проектирование. В-третьих, нарастающая популярность текстов Антона Чехова в мире и как бы ускользающая от аналитики «тайна» генетики и культуры его литературных технологий предельно заостряют вопрос о наличии некоего сущностного знания этого мастера слова о человеке и его природе. В-четвертых, само положение письменного корпуса чеховских текстов на меже классического реализма и модернизма уже в зависимости от аналитических версий этого положения позволяет рассматривать степени открытости русского художника самым различным культурным институциям и адресам от архаики до современности при включенности механизма воображения всех уровней – социального, религиозного, естественно-научного и т.д.

Несомненным достоинством диссертации Штефана Липке является органическое единство научной гипотезы, цели и задач исследования, его материала и структуры, методологии и полученных результатов. В рамках этой взаимосвязи работа соискателя максимально логична и убедительна. При этом она подчеркнута оригинальна, предлагая новую версию творческого пути Чехова-

прозаика в плане выделения фаз развития феномена, их содержательного наполнения и взаимосвязи.

В результате перед нами значительная оригинальная концепция, существование которой уже не сможет игнорировать ни один серьезный специалист по наследию Чехова.

Существенно и то, что предлагаемая концепция вбирает, как бы охватывает важные элементы иных крупных научных версий прозы Чехова. Она не опровергает их, а, как бы подключаясь к ним, толкует их как общее проблемное поле, в рамках которого все они взаимодополнительны. Мы имеем ввиду концепции М. Фрайзе, А. Чудакова, В. Тюпы, В. Катаева, И. Сухих, А. Степанова, Д. Рейфильда, Н. Фортунатова, Н. Разумовой, Г. Зельге, Т. Зайцевой, А. Собенникова, М. Свифта и ряда других специалистов.

Учесть и примирить эти столь разноречивые и разнокачественные концепции, на наш взгляд, помогает специфическое понимание диссертантом ключевой аксиомы, положенной в основание всего аналитического возведённого им здания, «неизреченность человека». Ее он предусмотрительно формулирует именно в заключении работы (с. 279): «...Чехов противопоставляет деконструкции человека в науках и культуре Нового времени идею человека как неизреченного индивида. При этом само слово «неизреченность» свидетельствует о том, что проще назвать противоречащие ей положения, нежели определить, в чем она заключается. Более того, неизреченность, которую удалось бы определить до конца, тем сам перестала бы быть неизреченностью. В соответствии с этим Чехов обращается к вопросу о неизреченности человека, исходя из опыта ее фактического отсутствия. Он снова и снова описывает, как личность человека редуцируется, и человек подвергается типизации или генерализации».

Отечественное и западное литературоведение накопило множество методик и инструментов выявления данной редукции на чеховском материале, множество предметных и системных наблюдений этой направленности на всех уровнях текстовой структуры. Поэтому и мобилизовать весь этот объем под прицел антропологической оптики без особой критической корректировки и очевидных

зазоров при заявляемой широте концептуального основания и фазовых переходов – задача вполне осуществимая даже в рамках кандидатского исследования. Тем более что и тексты автором работы отбираются преимущественно неоднократно анализируемые известными специалистами.

Подчеркнем, что в рамках предлагаемой соискателем логики это правильный подход, позволяющий простроить концепцию на «пиковых» текстах прозаика, что дополнительно убеждает читающего.

Если бы концепция вовлекала целый ряд так называемых «темных» текстов Чехова типа «Рассказ старшего садовника», то неизбежно возникали бы вопросы позитивной мифопоэтики как ключа к авторскому мировидению, к построению индивидуального мифа о мире и человеке в тренде культуры европейского и русского модернизма.

Согласно концепции, предлагаемой Штефаном Липке, Чехов-прозаик только в предсмертной фазе своего развития (1899 – 1902 годы) выходит к «положительной перспективе» (с. 280), к некоему позитивному освобождению человека от деформирующих его факторов и приближающих к сущностному состоянию «неизреченности», к аналогу особой полноты и широты самочувствования. Но автор работы фиксирует именно парадоксальность данного поворота, усматривая основу этого высвобождения именно в шаге к предсмертной немоте, уравниваемой им с «неизреченностью», которая, как оказывается, принципиально недостижима при жизни, а значит, и нереализуема как её искомое основание.

Мы предполагаем, что в построениях диссертанта наличествует воздействие некоторых идей европейского экзистенциализма и христианского персонализма, что в рамках «герменевтико-феноменологического подхода к изучаемому материалу» (с. 24), заявленному во введении в качестве основного методологического пути исследования, вполне продуктивно для мирового чеховедения.

Оригинальными научными достижениями диссертационного исследования Штефана Липке являются:

- 1) целостная многоэлементная концепция неизреченности человека в прозе Чехова;
- 2) обоснование хронологии и формулирование качественных характеристик фаз формирования и развития этой чеховской концепции;
- 3) убедительный квалифицированный филологический анализ шестнадцати чеховских прозаических текстов под четко обозначенным антропологическим углом зрения и через соотношение уровней архитектоники произведения;
- 4) выявление в ряде чеховских текстов новых многочисленных связей с Библией (рассказы «В море» - с. 56 – 57; «Случай из практики» - с. 206 – 207; «Архиерей» - с. 274 – 276; повести «Дуэль» - с. 110 – 111; «Черный монах» - с. 147 – 152);
- 5) установление эффективности прочтения рассказа «Душечка» в аспекте мифопоэтики природных стихий ;
- 6) показ взаимодополнительности аналитики русского и европейского чеховедения при прочтении чеховской прозы.

Текст работы Штефана Липке отличается ясностью изложения, четкостью использования понятийно-терминологического аппарата, безупречностью технического оформления.

Следует подчеркнуть предметность положений, выносимых на защиту, теоретическую и практическую значимость проведенного исследования, соответствие формулировок заглавий разделов содержанию написанного в них, а также уместность и культуру диалога диссертанта с идеями крупнейших специалистов по прозе Чехова.

Вместе с тем выскажем ряд частных замечаний.

1. Принципиальная для работы категория «неизреченности» не обоснована ни собственно чеховским дискурсом, ни внутрироссийским дискурсом, ни европейским дискурсом рубежа веков. Отсылка к Аристотелю (с. 6) ничего не проясняет и не является достаточной для всего хода дальнейших рассуждений. В чеховедении давно установлен интерес художника

именно в платоновской традиции философствования, поэтому и с этой точки зрения вести отсчет от Аристотеля без пояснений и возможной полемики, как минимум, не вполне осмотнительно.

2. Представленный во введении обзор философских подходов к образу человека (с. 4 – 5) выполнен слишком бегло и – главное – не имеет отношения к Чехову даже в качестве подводки.
3. В диссертации не используются и отсутствуют в списке важные и продуктивные работы уральского исследователя Александра Васильевича Кубасова (монография «Проза А. П. Чехова: искусство стилизации». Екатеринбург, 1998; глава в коллективной монографии «Извне и изнутри Сибири: А. Чехов – А. Вампилов – В. Шукшин». Ишим, 2014). Они как раз открывают механизмы модернистской работы Чехова в прозе с культурными знаками, что важно для понимания именно межуровневости архитектоники его произведений.
4. С одной стороны, диссертант справедливо утверждает, что «проведенное исследование является вкладом в изучение антропологии Чехова и может быть продолжено как изучение антропологической позиции писателя, представленной в его драматических произведениях, научных и публицистических трудах и письмах» (с. 280). С другой стороны, это демонстрирует механическую разделенность для диссертанта достижений чеховедов в области изучения драмы и прозы Чехова, иначе бы в его списке не отсутствовали столь значимые для мирового чеховедения работы А.П. Скафтымова, Б.И. Зингермана, Ю.В. Шатина и ряда других ученых. На наш взгляд, специфика русского литературоведения была в том, что именно изучение пьес Чехова системно провоцировало пересмотр сложившихся подходов к его прозаическим опытам. Не случайно именно печатная реанимация статей А.П. Скафтымова стала поворотным моментом для всего российского чеховедения (сравните с. 11).

Частные замечания не ставят под сомнение концептуальные и иные достижения автора данной работы.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Антропология художественной прозы А.П. Чехова: неизреченность человека и архитектоника произведения» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится оригинальное решение задачи определения сущности индивида как неизреченного в прозе А.П. Чехова и фаз ее функционирования на протяжении всего творческого пути художника, имеющей значение для изучения движения русской литературы от классического реализма к модернистской парадигме, и соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней». Автор диссертации, Липке Штефан, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических
наук, доцент, профессор кафедры
русской литературы

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10,
Институт филологии и журналистики,
ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

Тел.: 8 (3452) 597420;

8 (3452) 597439;

e-mail: russlit@utmn.ru

1 июня 2017 г.

Учёный секретарь

Учёного совета

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

Комаров Сергей Анатольевич

Лимонова Эмма Михайловна